

Рейна Цезарь находит уже какое-то время живущих здесь германцев (germani cisrhenani Caes. BG., II, 3). В некоторых случаях пришельцы вторгаются в Галлию в поисках добычи, в других являются в качестве беженцев, сами будучи изгнаны из своих владений своими более воинственными соседями и, подобно узипетам и тенктерам, надеясь с оружием в руках отвоевать здесь для себя новую родину (Caes. BG., IV, 4). Эти перемещения и производимый ими «эффект домино» создали сложную картину расселения племен в бассейне среднего и нижнего Рейна, которую описывает Цезарь и которая находит подтверждение у более поздних авторов.

Здесь же ясно сформулировано представление об опасности, которые такого рода перемещения несут для римских интересов: «Он [Цезарь] понимал, что для римского народа представляет большую опасность развивающаяся у германцев привычка переходить через Рейн и массами селиться в Галлии: понятно, что эти дикие варвары после захвата всей Галлии не удержатся – по примеру кимбров и тевтонов – от перехода в Провинцию и оттуда в Италию, тем более что земли секванов отделяет от нашей Провинции только Родан» (Caes. BG., I, 33. Пер. М. М. Покровского).

Предостережение звучит тем более веско, что, согласно Цезарю, германцы Ариовиста – тот же народ, который уже вторгнулся из Галлии в Италию на памяти отцов ныне живущих римлян. Соответственно, чтобы не пришлось их отбивать по эту сторону Альп, как произошло при Марии, их следует остановить сейчас на Рейне.

Монзуль В. Ю.

НАРБ (Минск)

Роль вопроса о гражданско-правовом статусе италийских союзников Рима в деятельности трибунов-реформаторов конца II — начала I в. до н. э.

В конце II – начале I в. до н. э. в римской политической жизни стал обсуждаться вопрос об изменении гражданско-правового статуса италийских союзников Рима путём приобщения их к полному римскому гражданству. Проблема возникла из-за издержек римской политики

«разделяй и властвуй»), в результате которой италийские общины имели неравный статус – от привилегированного (как, например, ряд прибрежных греческих колоний) до почти полного бесправия многих южноиталийских племён, сопровождавшегося к тому же массовой экспроприацией земли римлянами.

С конца 120-х по 91 г. до н. э. рогации, или трибунские законопроекты, о наделении латинов и италийских союзников римским гражданством были частью обеих широких реформаторских программ этого периода – Гая Семпрония Гракха и Марка Ливия Друза-младшего. Схожее намерение Веллей Патеркул (Vell. Pat. II, 2) приписывает и третьему крупнейшему реформатору поздней республики – Тиберию Гракху, – что, впрочем, осторожно воспринимается современными исследователям. Интересы италиков затрагивали также законы Луция Аппулея Сатурнина и Публия Сульпиция. Провал мирного, законодательного наделения италиков римским гражданством Гаем Гракхом и Марком Друзом спровоцировал начало кровопролитной Союзнической войны, хотя, разумеется, этот масштабный конфликт был вызван целым рядом взаимосвязанных факторов.

Таким образом, италийский вопрос несомненно принадлежал к числу остроактуальных для римской политической жизни. Во II в. до н. э. влияние народных трибунов на законодательство возрастает и, пожалуй, достигает максимума в римской истории. Народные трибуны занимались разнообразными вопросами, предлагая аграрные, фрументарные (или хлебные), колонизационные, судебные законопроекты, было введено тайное голосование, утверждались планы строительства дорог и так далее.

В рассматриваемый период законы трибунов должны были опираться на поддержку уже плебса на тайном голосовании. По увеличению внимания к ораторскому мастерству мы можем сделать вывод о возрастающем внимании к агитации перед голосованием по принятию законопроектов. Однако не всегда предложенное трибуном решение встречало всеобщую поддержку, что довольно естественно для проблем, затрагивающих интересы различных категорий населения. Таким образом, мы видим не просто появление возможностей для

масштабных реформ, но и отмечаем наличие у трибунов политической воли для проведения законопроектов по наиболее острым вопросам.

Высокая активность трибунов была связана, в частности, с эволюцией римской *civitas*, что требовало реагирования на большее число внешних и внутренних вызовов, с превращением трибуната в главный институт проведения реформ, а также с неинституциональными факторами: изменением представлений о важности обычаев предков (*moresmaiorum*) и важных для римской ментальности образцов ответов на вызовы (*exempla*), что способствовало отходу от консервации различных аспектов функционирования римской *civitas* в сторону признания важности реформ. По-видимому, вследствие эволюции римского общества и знакомства с греческими политическими практиками изменилась и политическая культура, включающая в себя различные составляющие политического сознания и взаимодействия с политическими институтами.

На общем фоне реформ рассматриваемого периода рогагии о гражданско-правовом статусе италийских союзников заметно выделялись непопулярностью, вступавшей в противоречие с лёгким принятием в комициях других законопроектов этих трибунов. Следовательно, не только пожелания городского плебса были отправной точкой для законотворческой деятельности трибунов. В этой связи возникает вопрос, какую же роль играл италийский вопрос в их деятельности.

В антиковедении италийский вопрос нередко считается малозначимым или вовсе признаётся инструментом в решении других, якобы стратегических задач политиков. Разумеется, это в большей степени касается обобщающих работ, но именно они формируют наше представление о римской политике в целом. По-видимому, подобный подход к решению этого весьма важного вопроса может быть следствием не только противоречивости источников (необходимо подчеркнуть, что более ста лет антиковеды работают с практически неизменным корпусом нарративных источников, пополняющимся почти исключительно за счёт эпиграфики), но в определённой степени и неосознанной вовлечённостью субъекта (историка) в исследование. Если в XIX и

начале XX в. экстраполяции и параллели с современностью в исторических исследованиях носили регулярный характер, то с нарастающей тенденцией к объективности исследования они, по нашему мнению, стали неявными.

Складывание в Западной Европе институционально оформленных партий во второй половине XIX века примерно совпало со сведением политической борьбы в Поздней Римской республике к борьбе двух (в дальнейшем — нескольких) партий, которыми разные историки считали аристократов и демократов, оптиматов и популяров, революционную и демократическую партию и т. д. Представляется, что в историографии XX века экстраполяции стали носить характер переноса идейных и структурных явлений современной историкам политической жизни на римскую действительность, хотя нельзя не признать и влияния наработок зарождавшихся политологии и социологии. Навязанным политической ситуацией и общественной мыслью видится скорое появление альтернативы «двухпартийной» схеме в антиковедении: в 1913 г. швейцарско-немецкий историк Маттиас Гельцер опубликовал работу *«Die Nobilität der römischen Republik»*, доказывающую существование в Римском государстве нобилитета. Развивая его идеи, Фридрих Мюнцер и Рональд Сайм свели политическую борьбу в Риме к столкновениям кланов и группировок нобилитета. Термин «революция» после череды событий 1917–1918 гг. стал очень популярен и в историографии Древнего Рима. Распространение авторитарных и тоталитарных режимов в 1920–40-е гг. отмечено повышенным интересом к проблеме императорского культа и активными типологическими сравнениями римской монархии с тоталитарными режимами. Демократизация же общественно-политической жизни после Второй мировой войны привела к изучению роли народных масс в политике. В результате, в начале 1980-х годов британский исследователь Фергюс Миллар выступил со статьями, доказывавшими «демократический» характер Римской республики. Он призвал признать римский народ – в основном, столичный плебс как наиболее активного и регулярного участника римской политической жизни – полноправным её субъектом, а не безмолвствующим большинством римской истории. Таким образом,

следует признать существование невольных экстраполяций и, соответственно, влияние современных реалий на исследование. По-видимому, наличие экстраполяций на макроуровне позволяет говорить и о более трудновывяемом переносе представлений по частным вопросам политической практики.

Только в последние десятилетия начала разрабатываться проблема реконструкции древнеримской политической культуры, а именно: роль ораторских приёмов в политике, особенности политической коммуникации, методы мобилизации избирателей, роль *exempla* (примеров) в политике и культуре и т. д. Восстановление ключевых положений неформальных политических практик римлян и выражение их в абсолютных категориях сделает возможным соотнесение разнородных свидетельств источников с объективным шаблоном политической реальности прошлого. Соответственно, появится возможность преодолеть экстраполяции как на микро-, так и на макроуровне, что позволит в полной мере учитывать особенности политической жизни сложностратифицированного римского общества.

Изучение римской политической культуры поможет компенсировать немногочисленность и противоречивость прямых указаний источников на цели политиков. Проиллюстрируем проблему реконструкции стратегических целей законодателей в источниках на примере Марка Ливия Друза. Аппиан считает наделение италиков римским гражданством главным пунктом своей программы (App. В.С. I, 36). В то же время, Тит Ливий (Liv. Per. 71), Веллей Патеркул (Vell. Pat. II, 13) и Цицерон (Cic. Cluent., 153) прямо указывают на первоочередную важность судебной реформы. Налицо серьёзное противоречие между прямыми свидетельствами античных авторов по вопросу о целях Друза. Важным способом для выяснения целей и задач политиков видятся косвенные свидетельства античных авторов, которые позволяют реконструировать последовательность внесения трибунами законопроектов с учётом текущей политической обстановки.

По нашему мнению, такая реконструкция универсальна, поскольку основывается на самых базовых понятиях политики. В римской республике сначала на уровне традиции, а с 98 г. до н. э. и на

законодательном уровне (*lex Caecilia Didia*) запрещалось проведение пакетов разнородных реформ. В результате, законодатели были вынуждены учитывать эффект от первых предложений на степень поддержки последних, вследствие чего универсально популярные законопроекты стали предлагаться первыми, а пользующиеся меньшей поддержкой предложения, как правило, последними, чтобы использовать позитивное влияние популярных законопроектов при агитации и мобилизации избирателей.

Впрочем, это не гарантировало успех: пользовавшиеся правом голоса римляне могли сначала поддержать все компенсационные предложения, получив для себя новые льготы, а затем отклонить италийскую рогацию. И наоборот: отказавшись верить законодателю в то, что он примет меры по смягчению эффекта от распространения гражданства на италийских союзников, они могли отклонить законопроект о правах италиков, если он был предложен первым.

Если целью Друза была судебная реформа, как считают Тит Ливий, Веллей Патеркул и Цицерон, то неясно, почему после её реализации трибун обратился к непопулярному италийскому вопросу. Несмотря на его актуальность, среди римских политиков не существовало единого мнения относительно путей решения этой проблемы. Отношение римлян к нему было скорее негативным.

Вероятно, именно поэтому Цицерон и Аврелий Виктор упоминают о падении популярности Друза к осени, несмотря на первые популярные меры. Если же, следуя за Аппианом, признать главной целью Друза италийский вопрос, то неясно обращение к судебной реформе, которая не слишком сильно затрагивала интересы городского плебса, и у них не было оснований голосовать против неё, как, впрочем, и активно поддерживать. Напротив, это предложение ухудшило отношения законодателя с сенатом и всадничеством.

Таким образом, гипотеза о предложении полномасштабной реформы ради принятия другого закона представляется нецелесообразной. Маловероятна и гипотеза о стремлении Друза стать патроном всей Италии и использовать отношения патроната-клиенты в дальнейшей политической деятельности, поскольку значение института

клиентелы для мобилизации граждан на голосования нередко подвергается сомнению [1, p. 441; 3, p. 72].

Упорство трибунов во внесении предложения по окончательному разрешению италийского вопроса на повестку дня при всей его неоднозначности указывает на то, что цели реформы гражданского статуса италийских союзников необходимо искать в иной плоскости, нежели сиюминутные соображения. По-видимому, Гай Гракх и Друз предприняли попытку комплексного разрешения системного кризиса в Римской республике, выражавшегося не только в политической, но также в экономической и социальной сферах [2, p. 131; 4, p. 442].

Таким образом, следует наметить следующие основные подходы к решению поставленной проблемы.

Реконструкция таких важных элементов политической деятельности римских законодателей, как цели реформ и соотношение стратегических целей с тактическими задачами, должна вестись не только с помощью согласования прямых свидетельств письменных источников.

Необходимо также пользоваться их соотносением с политической позицией античных авторов или их источников, восстанавливать последовательность законодательных мер для лучшего понимания логики политиков, а также учитывать разницу между современной и древнеримской политической культурой. Учёт мнений, сложившихся в антиковедении, будет уместно производить, помня о неосознанных экстраполяциях, нередко проявляющихся в исследованиях.

Литература

1. Brunt P. The Fall of the Roman Republic and Related Essays. Oxford: Clarendon Press, 1988. – 560 p.
2. Gabba E. Republican Rome, the Army, and the Allies. Berkeley: University of California Press, 1976. – 272 p.
3. Mouritsen H. Italian Unification: A Study in Ancient and Modern Historiography. London: Institute of Classical Studies, 1998. 203 p.
4. Weinrib E. The Judiciary Law of M. Livius Drusus // *Historia*. 1970. Bd. 19/4. S. 414–443.